

Колеса автомобиля проехали по последнему участку разбитой горной грунтовой дороги, и поднятая ими желтая пыль, покружившись в весеннем горном ветре, наконец осела.

Наконец-то добрались.

За десять с лишним часов утомительной поездки даже мастер Старый Ма, известный своей болтливостью, замолчал, а его горло пересохло настолько, что в салоне слышался лишь монотонный гул автомобильного кондиционера.

Они отправились в путь в два часа дня из шумного города Ханчжоу. Пережив ослепительные огни скоростных автомагистралей, вытерпев жесткие скамейки в зонах отдыха и скудную, наспех разогретую еду в придорожных кафе, они наконец оказались здесь, в глубине гор Фуню — месте, где раскинулись бесконечные, изрезанные хребтами, пышущие густой зеленью, но неприступные вершины.

Цзян Жунькунь чувствовал себя словно точный и хрупкий прибор, который пересылали курьерской службой на тысячу с лишним километров: каждая деталь его тела, казалось, стонала под тяжестью этого пути.

Пейзаж за окном сменился с городского горизонта, напоминающего колесо обозрения, на полотно в стиле традиционной живописи, пока, наконец, не застыл в виде этого захватывающего дух, первозданного горного массива.

Зеленые вершины, словно спящие гиганты, уходили своими хребтами в облака. На глаз высота составляла добрую тысячу семьсот-восемьсот метров.

Горная дорога вилась по телу этого гиганта, подобно небрежно брошенной коричневой бечевке — узкая, извилистая и крутая.

Временами среди зелени на склонах мелькали одинокие саманные дома, и лишь вьющийся над ними дымок служил единственным признаком жизни.

Деревня семьи Цзян и соседняя деревня Храма Основателя напоминали забытые временем острова, упрямо уцепившиеся за складки местности, отрезанные от блеска и удобств цивилизации.

Деревня выглядела еще более заброшенной, чем в воспоминаниях.

Покрытый дорожной пылью роскошный экипаж водителя из приложения — Старого Ма — неловко остановился на клочке относительно ровной каменной площадки у въезда в деревню семьи Цзян.

Рядом с колесами бежал небольшой ручей, пробивший в земле глубокую борозду и весело

журчащий на камнях.

Воздух был здесь пронзительно чистым, напоенным ароматами влажной земли, перегноя и молодой листвы.

Несколько дворовых собак подали голос издалека, но тут же лениво улеглись обратно в тени у стены.

— Брат, приехали. Фу, ну и местечко... совсем дикая природа, а! — мастер Старый Ма высунулся из окна.

Он обвел взглядом несколько полуразвалившихся домов без окон и дверей, чьи осыпавшиеся стены обнажили глиняный каркас, затем перевел взгляд на пожилую пару, ожидавшую неподалеку, и невольно понизил голос.

Цзян Жунькунь оплатил поездку, стоившую несколько тысяч, и при виде того, как на экране телефона изменились холодные цифры баланса, его будто ударило током.

Старый Ма, человек отзывчивый, быстро выскочил из машины, открыл багажник и закинул ему на плечо единственный черный рюкзак со сменной одеждой, а затем осторожно помог выбраться с заднего сиденья.

Как только ноги коснулись земли, его охватило хорошо знакомое, но от этого не менее гнетущее чувство слабости. Он почти всем весом навалился на дверцу авто и руку Старого Ма.

Фигуры у въезда в деревню, заметив, что он наконец стоит на ногах, припустили к нему бегом.

Отец — Цзян Сы, и мать — Сюй Цю.

Время, словно ржавое зубило, оставило на их лицах глубокие борозды.

Их кожа, опаленная горным солнцем и ветром, приобрела грубую текстуру, свойственную людям, всю жизнь занятым тяжелым трудом.

Отец, Цзян Сы, прежде не отличавшийся subtilностью, теперь казался еще более сгорбленным под тяжестью незримого груза. Его крупные, покрытые мозолями ладони машинально теребили подол серо-синей куртки.

Глаза матери, Сюй Цю, были пугающе красными — след тех бесчисленных ночей, которые она провела в слезах.

Ее губы дрожали, она пыталась что-то сказать, но из горла вырывался лишь короткий сдавленный хрип, который в итоге сменился двумя дорожками мутных слез, мгновенно покотившихся по иссеченному ветрами лицу.

Тот самый сын, чье поступление в Ханчжоуский университет электронной науки и технологий когда-то стало гордостью всей семьи, тот самый золотой феникс, вылетевший из их глухого гнезда, теперь... вернулся в таком жалком виде.

Вид калеки, которому для того, чтобы стоять, нужна посторонняя помощь, стал для них словно раскаленный уголь, больно опаливший сердца.

— Отец, мама...

Горло Цзян Жунькуня сжалось. Голос прозвучал неестественно сухо и хрипло от долгого пути, но в нем слышалась еще и тяжесть человека, которому невыносимо смотреть в глаза близким.

— Непутевый сын... доставил вам... столько хлопот!

Мать, Сюй Цю, не выдержав, резко отвернулась, потянула край фартука и плотно прижала его ко рту. Ее худые плечи затряслись в конвульсиях.

Это немое горе пробирало до костей сильнее, чем громкие рыдания.

— Главное, что вернулся... главное, что вернулся...

Отец, Цзян Сы, говорил хрипло, его глаза тоже наполнились слезами, но он изо всех сил старался сохранить спокойствие главы семейства.

Он тяжело похлопал сына по довольно крепкому плечу, и в этом жесте сквозили и жалость, и стремление поддержать его.

— Какие там хлопоты, ты уже дома!

Старый Ма, никогда не видевший подобной сцены, растерялся и поспешно протянул рюкзак.

— Брат, сестра, я доставил вашего сына. Ноги у него слабые, в пути он очень устал. Вот вещи, заберите, не буду мешать вашему воссоединению!

Сказав это, он почти сбежал в машину, нажал на газ, и автомобиль, поднимая столбы пыли, рванул вниз по склону. Звук его двигателя казался в этой долине неуместно одиноким.

На пустом въезде в деревню мгновенно воцарилась тишина, нарушаемая лишь гулом ветра и журчанием ручья.

Отец, Цзян Сы, и мать, Сюй Цю, переглянулись и одновременно шагнули вперед.

Мать, Сюй Цю, вытерла слезы и взяла рюкзак, прижимая его к груди, словно величайшую драгоценность.

Отец, Цзян Сы, присел, похлопал себя по сильной, хотя и слегка подрагивающей спине:

— Залезай, отец тебя понесет.

— Отец, нет, твоя поясница...

Цзян Жунькунь тут же отказался.

Он прекрасно знал о хронических проблемах отца с поясницей и ногами.

— Хватит болтать! Ты что, собираешься пешком пол-ли по такой крутой тропе подниматься?

Отец не принимал возражений, его тон был непреклонен.

Увидев, что сын колеблется, он крикнул вдаль:

— Тяньва! Сбегай принеси бамбуковую кровать из-за дома!

Мальчишка лет десяти, бежавший босиком по грязи, отозвался сообразительным возгласом и пулей помчался вглубь деревни.

Вскоре была принесена гладкая, отполированная до блеска бамбуковая складная кровать.

— Брат Кунь, садись на эту, отец мне новую сделал!

Мальчик скалился, демонстрируя желтые зубы.

Так на тихой деревенской тропе разыгралась сцена, которая вызвала у Цзян Жунькуня целую бурю противоречивых чувств, от горечи до невольной улыбки.

Мать с тяжелым рюкзаком шла впереди, то и дело вытирая слезы. Отец и двоюродный брат

несли его на старой, повидавшей виды бамбуковой кровати, как на носилках, осторожно шагая к дому.

Кровать мерно покачивалась в такт их шагам, больно впиваясь в кости, но при этом даря странное, необъяснимое чувство защищенности.

Редкие встречные сельчане стояли у своих дверей или прислонялись к стенам, молча провожая семью сочувствующими и печальными взглядами.

Никто не нарушал тишину, выражая почтение лишь своим присутствием.

Так называемый дом представлял собой пять новых одноэтажных строений из бетона. Они выглядели серо и уныло, выделяясь на фоне других, старых и новых построек.

Их построили на сбережения родителей и те деньги, что Цзян Жунькунь за последние два года присылал из города.

Снаружи стены не были отделаны: повсюду виднелись грубый серый бетон и красный кирпич. Двор был обнесен бамбуковым забором высотой в человеческий рост.

Когда они толкнули тяжелую деревянную дверь, внутри предстала еще более аскетичная картина: грубый бетонный пол, едва побеленные стены и несколько старых столов и шкафов с облупившейся краской — вот и все имущество.

Просторно, бедно, с той самой атмосферой бережливости людей, которые только-только вырвались из нищеты и боятся потратить лишнюю монету.

— Брат Кунь, ты вернулся!

Услышав шум, из внутренней комнаты выбежала двоюродная сестра Цзян Хун. Ей было лет семнадцать-восемнадцать, черты лица напоминали вторую тетю, но в них было больше живости, свойственной молодости.

Увидев брата, которого внесли во двор на импровизированных носилках, она сразу всхлипнула и поспешила на помощь.

Следом за ней выбежал пяти-шестилетний мальчик, который робко прятался за дверным косяком, с любопытством разглядывая вернувшегося незнакомца.

— Хун, это... Шиту? Такой большой уже...

Цзян Жунькунь постарался выдавить улыбку, глядя на малыша. Шиту был младшим братом Цзян Хун, а мальчик, носивший его, Цзян Фэн, приходился ей старшим братом, который учился в средней школе.

— Да, брат... ты...

Цзян Хун посмотрела на оцепенелые и исхудавшие ноги кузена, и у нее перехватило дыхание.

Отец, Цзян Сы, осторожно приподнял Цзян Жунькуня, и при помощи матери и Цзян Фэна они втащили его в комнату слева от гостиной.

Комната оказалась большой и пустой.

К удивлению Цзян Жунькуня, там был устроен даже встроенный санузел! Белый фарфоровый унитаз и маленькая раковина вмурованы прямо в бетонную стену, работа выглядела грубо, трубы не были скрыты.

Очевидно, это было делом рук родителей, которые в период его комы отдали последние силы на то, чтобы хоть как-то облегчить ему жизнь.

— Кунь, — отец указал на комнату, и в его глазах читались глубокая беспомощность и боль.

— Эти две комнаты мы оставили тебе, чтобы ты привел невестку... построили заново... с туалетом внутри... но...

Он долго не мог закончить фразу, слова о том, что теперь это не пригодится, застряли в горле. В итоге он выдал лишь долгий, тяжелый вздох, который эхом разнесся по пустым комнатам.

Мать, Сюй Цю, прислонилась к дверному косяку, снова беззвучно вытирая глаза передником.

Сестра Цзян Хун прикусила губу, изо всех сил стараясь сдержать слезы.

Даже младший брат Цзян Фэн едва сдерживал плач.

Маленький Шиту почувствовал гнетущую атмосферу, прижался к ногам Цзян Хун и крепко обхватил их.

Волна горечи нахлынула на сердце Цзян Жунькуня.

Он глубоко вздохнул, подавляя всхлип в горле, и обвел взглядом эту показную спальню и полные страдания лица родных.

Лишь прошлой ночью, в трясущемся салоне машины, он впервые отчетливо почувствовал то странное, зудящее ощущение, которое сулило надежду.

Холодный, странный голос той самой системы, обещавший золотые горы, перед лицом столь осязаемого, подавляющего отчаяния казался теперь чем-то нереальным, злой шуткой.

Но!

Прямо здесь, среди бездн этого горя, в глубине его ног, словно в противовес удушающей атмосфере, вновь проскочил едва заметный, почти иллюзорный электрический импульс!

Это было слабо, но невероятно упрямо.

Словно искорка в крошечной мгле.

Цзян Жунькунь резко поднял голову, встретившись взглядом с родителями, выпрямил спину и растянул губы в сложной, но предельно уверенной улыбке, в которой смешались успокоение, облегчение и даже капля безумного ожидания, которое он сам до конца еще не понимал.

Его голос не был громким, он звучал охрипшим от усталости, но в нем слышалась стальная воля:

— Отец, мама, Хун, Фэн, Шиту, не огорчайтесь, правда!

Его глаза горели, словно он отдавал последние запасы жизненной энергии.

— Я вернулся.

— И более того... я чувствую...

— Я поправлюсь!

Он акцентировал каждое слово, словно давал торжественную клятву, стараясь убедить самого себя ухватиться за эту единственную соломинку.

— Верьте мне!

Последнюю часть он выкрикнул про себя:

— Не только ноги поправятся, даже то, что было уничтожено метеоритом... после того как я

начну путь совершенствования, у меня вырастет все новое! Даже если та дурацкая система и кажется мне какой-то странной, она не посмеет обмануть своего хозяина, верно?

Он машинально посмотрел на свои ноги, и огонек надежды в глубине его души, вопреки холодному горному ветру Фуню, разгорался все ярче — почти с трагическим величием.

<http://bllate.org/book/18961/1859943>